

P2
A-91

**ВИКТОР
АСТАФЬЕВ**

**ВОЕННЫЕ
СТРАНИЦЫ**



Р2
#91

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

ВОЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ



МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

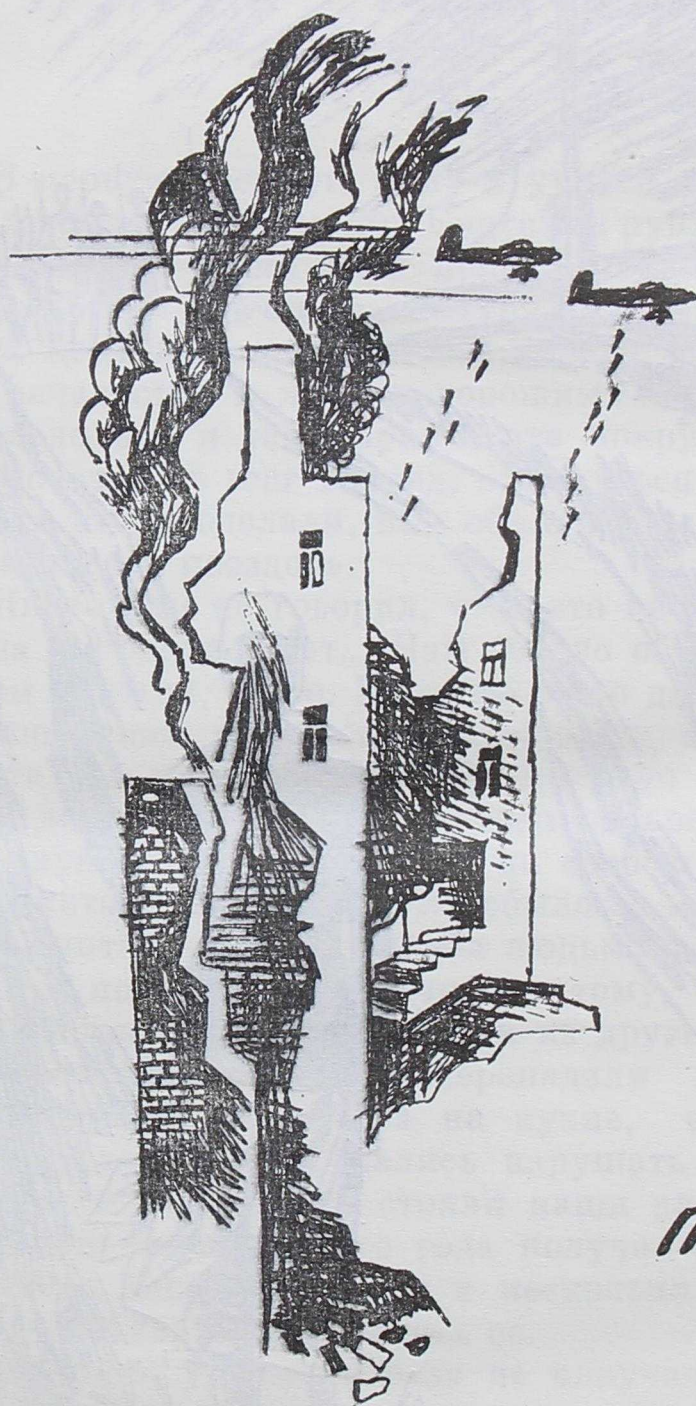
1986

Оренбургская областная

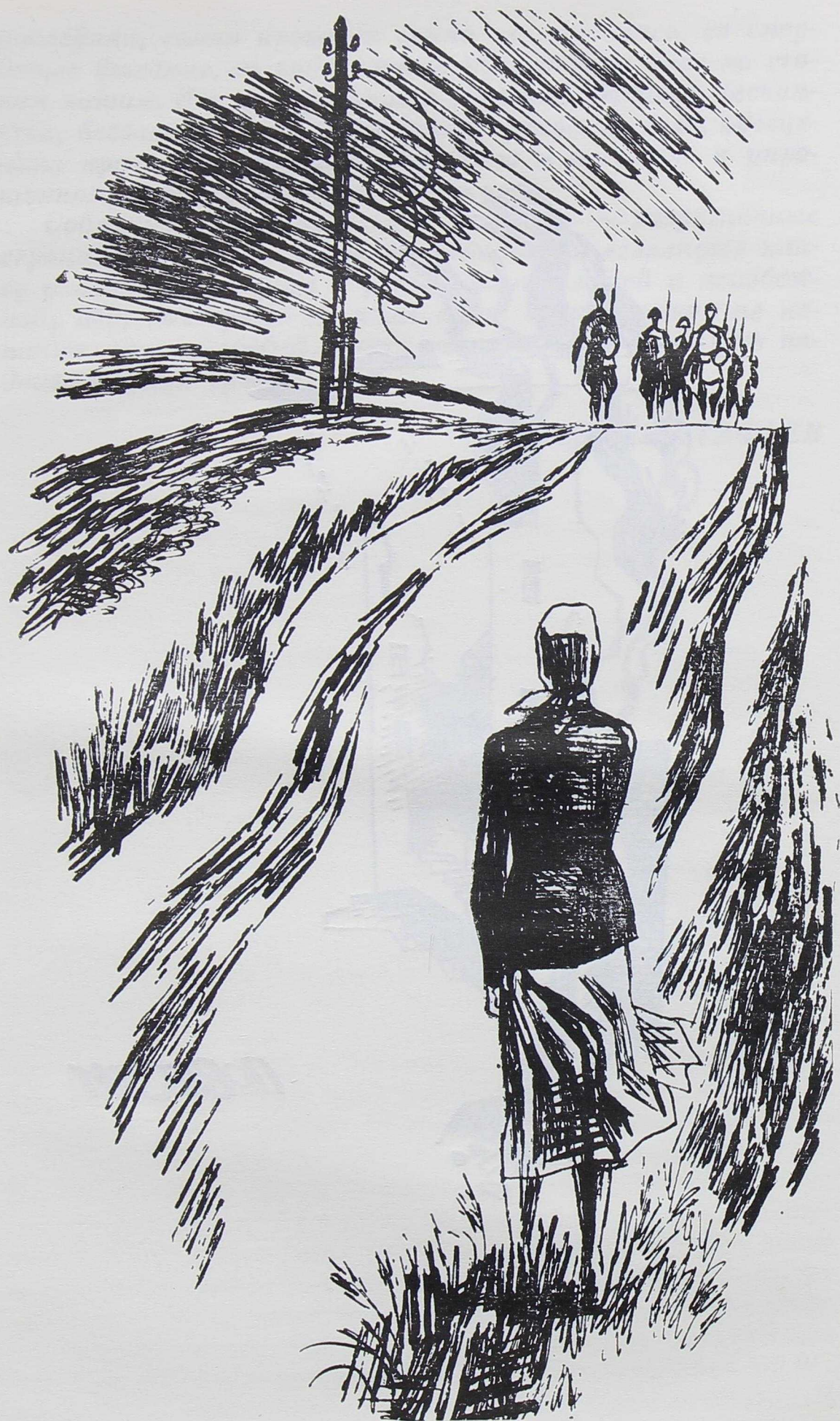
библиотека

им. Н. К. Крупской

а-91904



ПОВЕСТИ



ГДЕ-ТО ГРЕМИТ ВОЙНА

В первую военную зиму я учился в железнодорожной школе фэзэо на станции Енисей. Группу и профессию я не выбирал — они сами меня выбрали. Было это так: всех ребят и девчонок, поступивших в школу, выстроили возле центрального барака и велели подравняться. Строгое начальство в железнодорожных шинелях пристально оглядело нас и тем парням, что покрупнее да покрепче, велело сделать шаг вперед, сомкнуться и слушать. Когда мы все это проделали, нам объявили: «Будете учиться на составителей поездов».

Никто нам не говорил, что это необходимо, что идет война и Родина ждет... Нам только объявили, на кого мы будем учиться, и все. Из этого всего да еще из того, что в группе нашей не оказалось девчонок, мы заключили, что работа нас ждет нешуточная, и кто-то из ребят высказал даже догадку: не глядя на военное время, нам выдадут сукодную форму и поставят на особое питание.

И хотя предсказание не сбылось, мы все же склонны были считать и считали себя людьми в желшколе особенными и постепенно приучили к тому, чтобы нас таковыми считали ребята и девчонки из других групп и не протестовали бы, когда нам перепадали поблажки в виде внесchedного дежурства на кухне, в хлеборезке или поездки домой, и опасались нарушать внутренний режим, если в корпусах стояли наши дневальные.

Незадолго до Нового года получил я из родного села от тетки Августы письмо в несколько строчек, которым слезно молила она навестить ее.

За время учебы ни разу не получал я ни от кого писем, никуда не отлучался, и когда показал письмо мастеру группы, Виктору Ивановичу Плохих, который, напротив фамилии своей, был человеком хорошим, не без оснований назначенным дирекцией в самую трудную группу, то он посоображал о чем-то хмуро и отпустил меня.

Мастер раздумывал, прежде чем отпустить меня к

тетке, потому что учились мы скороспешно. Железнодорожный транспорт был оголен военками в сумятице первых военных месяцев до того, что даже с фронта скоро начали отзывать железнодорожников.

Нас никуда не отпускали, выходных нам не давали, держали строго, почти по-военному.

Мы сами выискивали возможности и способы прятать друг друга на поверках и подменяться во время практики и, сколь мне помнится, Виктора Ивановича Плохих, давшего возможность распоряжаться нам собою, не подвели. Все теоретические, а больше практические занятия оценивались в группе нашей только на пятерки, и горе было тупицам, с которыми занимались мы сами, вколачивали в них науку и доводили до уровня. Они и по сей час, наверное, не могут забыть того труда и пота, который потратили в ту военную зиму, чтобы заучить пэтээ — правила техники эксплуатации, железнодорожной сигнализации, грузоподъемность вагонов, паровозов и прочие транспортные премудрости.

В длиннополом пальто, отяжеленном двумя пайками хлеба, упрятанными в карманы, вышел я из общежития под вечер. Никаких паек, конечно, не полагалось выдавать. Но Виктор Иванович Плохих и староста нашей группы Юра Мельников были руководителями, которые брали и не такие крепости, как хлеборезка Васеева Наталья. Она сказала: «Будь вы прокляты! До смерти надоели!» — но пайку за вечер и за утро все же отдала.

Я выдрал листы из тетрадки по теории пэтээ, завернул в них хлеб и отправился.

Ботинки фэзэошные издавали на морозе технический звук. Они всхлипывали, постанывали, взвизгивали, как давно не мазанный кузнечный молот или подработанный клапан паровоза. Ботинки такие для сибирской зимы — не обувь, но про пальто ничего не скажешь. Пальто знатное. Оно, правда, не по росту мне было, однако красивое и с особенными запахами.

В каждом порядочном колхозе есть тулуп или доха общего пользования, а у нас в группе вместо дохи вот это пальто с каракулевым воротником. Пальто грубошерстное, колкое, каракуль что шлак металлический, но все же это не фэзэошная телогрейка длиной до пупка. Чужевато мне пальто, но я постепенно обживал его, обнюхивался. Очень оно тяжелое и пахнет по-всякому: табаком, мочалом, тлеющим сукном, но больше всего вагонной карболкой.

Совсем отдаленно, чуть ощутимо, как вздох о мирных временах, доносился из недр пальто запах нафталина.

Пальто прибыло в школу фэзэо из города Канска. Прибыло оно на Юре Мельникове. Были на Юре еще голубое кашне, старая кожаная шапка тоже с каракулем. Мы выбрали Юру старостой группы, и, думаю, в выборе этом первеющую роль сыграл Юрин наряд, как потом выяснилось, Юре не принадлежавший. Все добро, надетое на него, было дедушкино. Бабка до поры хранила его в сундуке. Но бабка умерла вслед за дедом. Юра вынул добро из сундука, надел на себя, а свою одежонку загнал на базаре и поехал куда глаза глядят.

Поезд остановился на станции Енисей.

Юра пошел посмекать насчет еды, и, пока уминал соленую черемшу, поезд ушел, а Юра, чтобы скоротать время, читал разные объявления и наткнулся на призыв поступать во вновь открытую школу фэзэо № 1. Поскольку оказалась она рядом со станцией, Юра отправился в желшколу, принят был без промедлений и к обеду оформлен на довольствие.

Кашне и шапку мы проели в честь знакомства, а пальто оставили.

В группе хотя и молодой, но очень смекалистый народ. Народу этому надо было выжить в такое тяжелое время, и не только выжить, но и обучиться профессии.

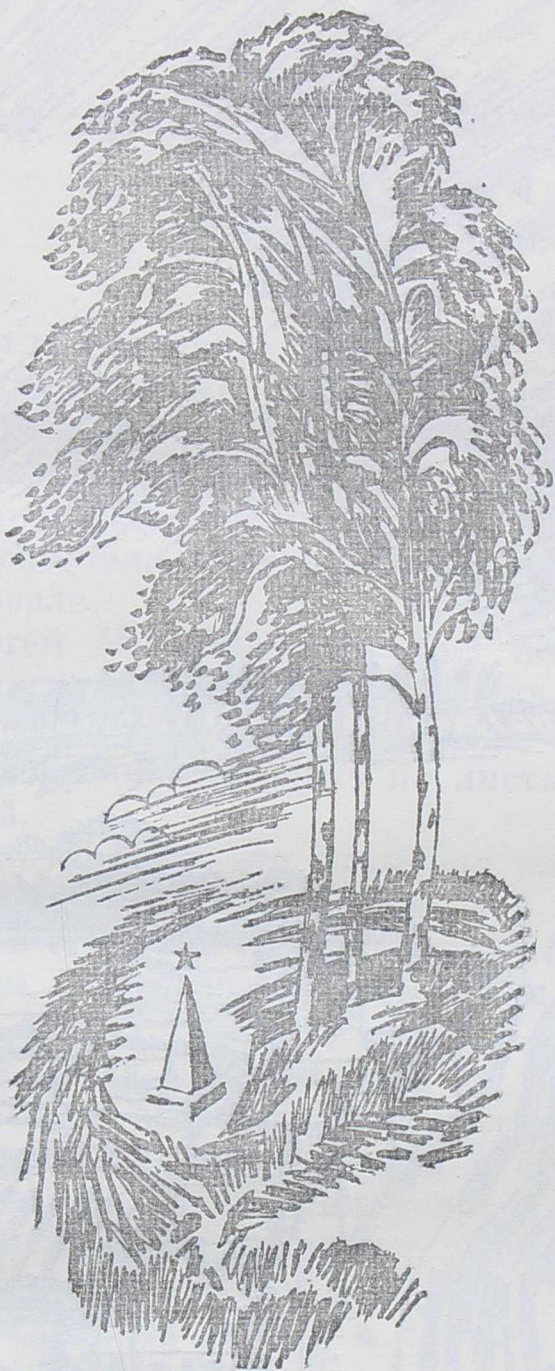
Повизгивали мои ботинки, постукивали, побрякивали, и под их разнообразное звучание хорошо думалось о ребятах, о дороге, о надвигающихся сумерках.

О том, что ждет меня в селе, я старался не думать, потому что не хотелось мне думать о тревожном. Тревоги и без того много вокруг: в зиме, в улице, в машинах, хрипло гудящих, в скрежете поездов, в заводских трубах, в небе и в душе моей.

Я миновал Базайский деревообделочный комбинат, что был за железнодорожной линией, круто поворачивающей к реке и двум мостам через нее. По взвозу, заваленному древесной крошкой, опилками и корой, где катом, где бегом спустился я вниз, на лед, и сразу почувствовал, что мороза здесь больше и по реке тянет колкий ветерок.

Ботинки мои чэтэзэ запели еще громче и техничней на тропе, твердо утоптанной, остекленелой от мороза.

Мимо железнодорожных мостов, мерзло и гулко звякавших под эшелонами, я спешил на другую сторону Енисея, где спускался от города санный путь к нашему



РАССКАЗЫ



ЯСНЫМ ЛИ ДНЕМ

И в городе падал лист. С лип — желтый, с тополей — зеленый. Липовый легкий лист разметало по улицам и тротуарам, а тополевый лежал кругами возле деревьев, серея шершавой изнанкой.

И в городе, несмотря на шум, суету, многолюдство, тоже сквозила печаль, хотя было ясно по-осеннему и пригревало.

Сергей Митрофанович шел по тротуару и слышал, как громко стучала его деревяшка в шумном, но в то же время будто и притихшем городе. Шел он медленно, стараясь деревяшку ставить на листья, но она все равно стучала.

Каждую осень его вызывали из лесного поселка в город, на врачебную комиссию, и с каждым годом разрасталась в его душе обида. Чем прибранней становился город, чем больше замечал он в нем хороших перемен, наряднее одетых горожан, тем больше чувствовал униженность и обиду. Дело дошло до того, что, молча терпевший с сорок четвертого года все эти никому не нужные выслушивания, выстукивания и осмотры, Сергей Митрофанович сегодня спросил у врача, холодными пальцами тискавшего тупую, внахлест зашитую култышку:

— Не отросла еще?

Врач поднял голову и с пробуждающимся недовольством глянул на него:

— Что вы сказали?

И, непривычно распаляясь от давно копившегося негодования, Сергей Митрофанович повторил громче, с вызовом:

— Нога, говорю, не отросла еще?

Врачи и медсестра, заполнявшая карточки, подняли головы, но тут же вспомнили о деле, усерднее принялись выстукивать и выслушивать груди и спины инвалидов, а медсестра подозрительно уставилась на Сергея Митрофановича, всем своим видом давая понять, что место здесь тихое, и если он, ранбольшой, выпивший или

просто так побуянить вздумал, она поднимет трубку телефона, наберет 02 — и будь здоров! Нынче милиция не церемонится, она тебя, голубчика, моментом острижет и дело оформит. Нынче смирно себя вести полагается.

Но медсестра не подняла трубку, не набрала 02, хотя сделала бы это с охотой, чтоб все эти хмурые, ворчливые инвалиды почувствовали, к какой должности она прикреплена и какие у нее права, да и монотонность писчебумажной работы, глядишь, встряхнуло бы.

Она шевельнула коком, сбитым наподобие петушиного гребня, заметив, что инвалид тут же сник, не знает, куда глаза и дрожащие руки деть. И взглядом победителя обвела приемную залу, напоминавшую скудный базаришко, потому как вешалка была на пять крючков и пациенты складывали одежду на стулья и на пол.

— Можете одеваться, — сказал Сергею Митрофановичу врач. Он снял очки с переутомленных глаз и начал протирать стекла полой халата.

Деревяшка и одежда Сергея Митрофановича лежали в углу, он попрыгал туда. Пустая кальсонина болталась, стегая тесемками по стульям и выношенной ковровой дорожке, разостланной меж столами.

Так он и пропрыгал меж столами, будто сквозь строй, а кальсонина все болталась, болталась. Телу непривычно было без деревяшки, и Сергей Митрофанович, лишившись противовеса, боялся — не шатнуло бы его, и не повалил бы он чего-нибудь, и не облил бы чернилами белый халат врача или полированный стол.

До угла он добрался благополучно, опустился на стул и глянул в залу. Врачи занимались своим делом. Он понял, что все это им привычно и никто ему в спину не смотрел, кальсонины не заметил. Врач, последним осматривавший его, что-то быстро писал, уткнувшись в бумагу.

И когда Сергей Митрофанович облачился, приладил деревяшку и подошел к столу за справкой, врач все еще писал. Он оторвался только на секунду, кивнул на стул и даже ногою пододвинул его поближе к Сергею Митрофановичу. Но садиться Сергею Митрофановичу не захотелось. Тянуло скорее выйти отсюда и закурить.

Он стоял и думал о том, что год от года меньше и меньше встречается на комиссии старых знакомых инвалидов — вымирают инвалиды, исчезает боль и укор прошлых дней, а распорядки все те же. И сколько отня-

то дней из без того укороченной жизни инвалидов такими вот комиссиями, осмотрами, проверками, хождениями за разными бумагами и ожиданиями в разных очередях.

Врач поставил точку, промокнул голубой промокашкой написанное и поднял глаза.

— Что ж вы стоите? — И тут же извиняющимся тоном доверительно пробормотал: — Писанины этой, писанины...

Сергей Митрофанович принял справку, свернул ее вчетверо и поместил в бумажник, неловко держа при этом под мышкой новую, по случаю поездки в город надетую, кепку. Он засунул бумажник со справкой в пиджак, надел кепку, потом торопливо стянул ее и молча поклонился.

Врач редкозубо улыбнулся ему, развел руками — что, мол, я могу поделать? Такой закон. Догадавшись, что он привел в замешательство близорукого молодого врача, Сергей Митрофанович тоже вымученно улыбнулся, как бы сочувствуя врачу, вздохнул протяжно и пошел из залы, стараясь ставить деревяшку на невыношенный ворс дорожки, чтобы поменьше брякало, и радуясь тому, что все кончилось до следующей осени.

А до следующего года всегда казалось далеко и дулось о переменах в жизни.

На улице он закурил. Жадно истянув папироску «Прибой», зажег другую и, уже неторопливо куря, попенял самому себе за срыв и за дальнейшее свое поведение. «Уж если поднял голос, так не пасуй! Закон такой! Ты, да другой, да третий, да все бы вместе сказали где надо — и переменили бы закон. Он что, из камня, что ли, закон-то? Гора он, что ли? Так и горы сносят. Рвут!..»

До поезда оставалось еще много времени. Сергей Митрофанович зашел в кафе «Спутник», купил две порции сосисок, киселя стакан и устроился за столом без клеенки, но чистым и гладким, в паутине светлых клеточек и полосок.

В кафе кормилась молодежь. За одним столом с Сергеем Митрофановичем сидела патлатая девчонка, тоже ела сосиски и читала толстую книгу с линейками, треугольниками, разными значками и нерусскими буквами. Она читала не отрываясь и в то же время намазывала горчицей сосиску, орудовала ножом и вилкой, припивала чай из стакана и ничего не опрокидывала на столе. «Ишь,

как у нее все ловко выходит!» — подивился Сергей Митрофанович. Сам он ножом не владел.

Девушка не замечала его неумелости в еде. Он радовался этому.

С потолка свисали полосатые фонарики. Стены были голубыми, и по голубому так и смяк проведены полосы, а на окнах легкие шторы — тоже в полосках. Голубой, мягкий полумрак кругом. Шторки шевелило ветром и разбивало кухонный чад.

«Красиво как! Прямо загляденье», — отметил Сергей Митрофанович и поднялся.

— Приятно вам кушать, девушка! — сказал он. Девушка оторвалась от книжки, мутно посмотрела на него.

— Ах, да-да, спасибо! Спасибо! — и прибавила еще: — Всего вам наилучшего! — Она тут же снова уткнулась в книжку, шаря вилкой по пустой уже тарелке. — «Так, под книжку, ты и вола съешь, не заметишь!» — с улыбкой заключил Сергей Митрофанович.

Дверь в кафе стеклянная и узкая. Два парня в одинаковых светлых, не по-осеннему легких пиджаках, открыли перед Сергеем Митрофановичем дверь. Он засуетился, заспешил, не успел поблагодарить ребят, подсаживал на себя.

А по улице все кружило и кружило легкий желтый лист липы, и отвесно, с угрюмым шорохом опадал тополиный. Бегали молчаливые машины, мягко колыхались троллейбусы с еще по-летнему открытыми окнами, и ребяташки шли с сумками из школы, распиная листья и гомоня.

За полдень устало приковылял Сергей Митрофанович на вокзал, купил себе билет и устроился на старой тяжелой скамье с закрашенными, но все еще видными буквами МПС.

С пригородной электрички вывалила толпа парней и девчонок с корзинами, с модными сумками и кошелками. Все в штанах, в одинаковых куртках заграничного покроя, стрижены коротко, и где парни, где девки — не разобрать сразу.

В корзинах у кого с десятков грибов, у кого и меньше. Зато все наломали охапки рябины, и у всех были от черемухи темные рты. Навалился на мороженое молодняк.

«И мне мороженого купить, что ли? А может, выпить маленько», — подумал Сергей Митрофанович, но мороженое он есть боялся — все ангина мучает, потом

сердце, или почки, или печень — уже бог знает что — болеть начинает.

«Война это, война, Митрофанович, по тебе ходит», — говорит ему жена и облегчить в делах пытается.

При воспоминании о жене Сергей Митрофанович, как всегда, помягчал душою и незаметно от людей пощупал карман. В кармане пиджака, в целлофановом пакете персики с рыжими подпалинами. Жене его, Пане, любимая покупка в удовольствие. Любому подарку рада. А тут персики! Она и не пробовала их сроду. «Экая диковина! — скажет. — Из-за моря небось привезли?» Спрячет их, а потом ему же и скормит.

В вокзале прибавилось народу. Разом, и опять же толпою, во главе с пожилым капитаном пришли на вокзал стриженные парни в сопровождении девчат и заняли свободные скамейки. Сергей Митрофанович пододвинулся к краю, освобождая место подле себя.

Парни швырнули на скамейку тощий рюкзакишко, сумочку с лямками. Вроде немецкого военного ранца сумка, только неукладистой и нарядней. Сверху всего багажа спортивный мешок на коричневом шнурке бросили.

Трое парней устроились возле Сергея Митрофановича. Один высокий, будто из кедра тесанный. Он в шерстяном спортивном костюме. Второй — как вылупленный из яйца желток: круглый, яркий. Он все время потряхивал головой и хватался за нее: видно, чуба ему недовставало. Третий небольшого роста, головастый, смирный. Он в серой туристской куртке, за которую держалась зареванная, кудреватенькая девчонка в короткой юбке с прорехою на боку.

Первого, как потом выяснилось, звали Володей, он с гитарой был и, видать, верховодил среди парней. С ним тоже пришла девушка, хорошо кормленная, в голубых брюках, в толстом свитере, до середины бедер спускавшемся. У свитера воротник, что хомут, и на воротник этот ниспадали отбеленные, гладко зачесанные волосы. У рыжего, которого все звали Еськой, а он заставлял звать его Евсеем, было сразу четыре девчонки: одна из них, догадался по масти Сергей Митрофанович, сестра Еськина, а остальные — ее подруги. Еськину сестру ребята называли «транзистором» — должно быть, за болтливость и непоседливость. Имя третьего паренька узнать труда не составляло. Девушка в тонкой розовой кофточке, под которой острились титчонки, не отпускала от

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сквозь время и годы</i>	3
--------------------------------------	---

ПОВЕСТИ

Где-то гремит война	9
Пастух и пастушка	78
Звездопад	190

РАССКАЗЫ

Ясным ли днем	269
Сашка Лебедев	299
Передышка	330
Индия	345
Курица — не птица	356
Тревожный сон	367
Ночь космонавта	385
Жизнь прожить	419

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48